

УДК 94 (470)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА:
АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ****HISTORICAL MEMORY AS A RESEARCH PROBLEM: ANALYSIS OF MODERN
APPROACHES**

©Грибан И. В.

*канд. ист. наук, Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург, Россия, gribanirina@gmail.com*

©Griban I.

*Ph.D., Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia, gribanirina@gmail.com*

Аннотация. На протяжении последних десятилетий проблема памяти является предметом междисциплинарных исследований, вызывая широкий интерес антропологов, психологов, литературоведов, социологов, культурологов. Особое внимание проблемам памяти уделяется в исторической науке. В статье предпринята попытка выделить наиболее актуальные и дискуссионные аспекты изучения феномена памяти как категории исторической науки на современном этапе: проблемы соотношения истории и памяти, определения термина «историческая память», вопрос о функциях историков в сохранении памяти о прошлом. Обозначены ключевые тенденции развития исследований исторической памяти.

Abstract. For the last decades, the problem of memory is a subject of interdisciplinary researches, causing wide interest of anthropologists, psychologists, literary critics, sociologists, culturologists. The special attention to problems of memory is paid in historical science. In article an attempt to allocate the most actual and debatable aspects of studying of a phenomenon of memory as categories of historical science at the present stage is made: problems of a ratio of history and memory, definition of the term “historical memory”, a question of functions of historians in preservation of memory of the past. Key tendencies of development of researches of historical memory are designated.

Ключевые слова: историческая память, коммеморация, места памяти, коллективная память, индивидуальная память.

Keywords: historical memory, commemoration, places of memory, collective memory, Individual memory.

На протяжении последних десятилетий тема памяти является предметом междисциплинарных исследований, вызывая широкий интерес антропологов, психологов, литературоведов, социологов, культурологов. Особое внимание проблемам памяти уделяется в исторической науке. Как справедливо отмечает известный российский специалист в области методологии истории и интеллектуальной истории Л. П. Репина, «последние тридцать лет бытия исторической науки отмечены появлением «истории памяти», которая по-новому оценивает связи между историей, памятью и идентичностью» [1, с. 68]. В данной статье предпринята попытка выделить наиболее актуальные и дискуссионные аспекты изучения феномена памяти как категории исторической науки на современном этапе, а также охарактеризовать тенденции развития исследований исторической памяти.

Интерес к памяти в социально–культурном аспекте возник в среде западноевропейских историков под влиянием работ французского социолога М. Хальбвакса. Близкий по своим убеждениям к формировавшейся тогда «школе Анналов», Хальбвакс ввел в научный оборот понятие «коллективная память» [2, с. 16–50].

Концепция связи истории и памяти начала активно разрабатываться в 1980-е г. г. во Франции в рамках очередной дискуссии об основаниях и путях развития исторической науки. По выражению известного французского историка, специалиста в области историографии Ф. Артога, 1980-е г. г. «захлестнула волна памяти» [3]. Этой волне сопутствовало стремление защищать, каталогизировать, пропагандировать, интерпретировать по-новому события прошлого: «Воздвигали мемориалы, обновляли и умножали количество музеев, больших и малых. Обычная публика, озабоченная генеалогическими исследованиями, или просто из любопытства, принялась посещать архивы. Люди стали пристальнее относиться к памяти, закрепленной за конкретным местом...» [3].

В 1984 г. французский историк П. Нора предложил концепцию «мест памяти». Под термином «места памяти» он понимал «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности... Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что возможности человеческой памяти ограничены, спонтанной памяти нет, значит — нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты. Иначе прошлое удаляется, ускользает, исчезает» [4].

К концу 1990-х г. г. список зарубежных исследований, посвященных различным аспектам изучения исторической памяти, выглядел уже достаточно представительно (труды П. Хаттона, П. Нора, Д. Лоуэнталя, Г. Люббе, Й. Рюзена, П. Рикера, П. Бергера, Я. Ассмана, А. Ассман, Б. Гене и т. д.). Известный французский историк Ф. Фюре писал: «История снова стала тем туннелем, по которому человек продвигается в темноте, не зная, куда приведут его собственные поступки, не уверенный в своей судьбе, лишенный призрачной безопасности, даваемой знанием о том, что он делает... Сейчас, в конце столетия помимо неуверенности в настоящем и будущем, сознание человека испытывает и неуверенность в прошлом» [3].

В отечественной исторической науке тема исторической памяти появилась с запозданием — в 1990-х г. г., когда российское общество оказалось перед непростым выбором: что необходимо помнить и что вспомнить о своем прошлом, а что — подвергнуть забвению. Среди отечественных исследователей, занимающихся проблемами исторической памяти, — Л. П. Репина, О. Б. Леонтьева, И. М. Савельева, А. В. Полетаев, Е. С. и А. С. Сенявские, О. С. Поршнева, Ж. Т. Тощенко и др.

Несмотря на то, что память уже с 1980-х г. г. повсеместно понимается как естественный междисциплинарный феномен, функции которого вряд ли можно ограничивать какой-то отдельной предметной областью, существуют специфичные для каждой сферы знания концепции памяти. В исторических и социальных науках, в литературоведении и психологии «память» представлена сегодня настолько разнообразно и используется в таких разных контекстах, что, пожалуй, можно было бы употреблять этот термин во множественном числе. И все-таки ученые пытаются выработать некий интегративный подход к пониманию памяти.

Какие аспекты изучения исторической памяти как категории исторической науки наиболее актуальны?

Во-первых, одним из дискуссионных остается вопрос о соотношении истории как науки и исторической памяти: история *и* память, история *или* память, история *как* память?

М. Хальбвакс, который ввел в научный оборот термин «социальная память», отождествлял ее с исторической памятью. По мнению Хальбвакса, индивиду доступны два типа памяти: «С одной стороны, его воспоминания вписываются в рамки его личности или

личной жизни... С другой стороны, в определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [5, с. 16–17]. Эти два типа памяти часто проникают друг в друга: индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или восполнить пробелы, а коллективная память сосредоточена вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними: «Коллективная память развивается по собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является сознанием личности» [5, с. 16]. Таким образом, по мнению Хальбвакса, существуют основания различать две памяти: внутреннюю (личную, автобиографическую) и внешнюю (социальную, или историческую). История — форма коллективной памяти [5, с. 45].

Выдающийся британский историк и философ Р. Дж. Коллингвуд рассматривал проблему памяти с точки зрения теории исторического познания. Считая несостоятельными концепции, основывающие историю на памяти, он подчеркивал их независимость друг от друга: «память — не история, ибо история — определенный вид организованного или выводного знания, а память вообще не является ни организованной, ни выводной» [6, с. 241].

Французский историк Б. Гене считал, что возможно отождествление памяти с историей, «но не той, которая была в действительности, а той, которую сотворили историки» [7, с. 19]. В противовес Гене, П. Нора противопоставляет память и историю, заявляя, что эти понятия не могут быть синонимичны: «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции... История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого. Память порождается той социальной группой, которую она спланирует, история принадлежит всем и никому, что делает универсальность ее призванием...» [4, с. 25–28].

Немецкий социолог Х. Вельцер также утверждает, что «история и память — две совершенно разные вещи; при усвоении их индивидом они претерпевают специфические смещения и порождают специфические выводы» [8, с. 56]. По мнению Вельцера, память вообще «связана не столько с прошлым, сколько с настоящим»: «В то время как история занимается установлением имевших место фактов и выдвиганием по их поводу поддающихся проверке утверждений, память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным» [8, с. 57].

Традиция критического отношения к термину «историческая память» восходит к основателю школы Анналов М. Блоку, который упрекал Хальбвакса, «пионера в исследованиях памяти», за то, что «коллективная память» — это метафора, поэтому не может использоваться в научном дискурсе [9, с. 16]. В отечественной науке критическое отношение к концепту «историческая память» прослеживается в работах специалистов по теории и социологии исторического знания И. Савельевой и А. Полетаева. Как и многие современные исследователи, они противопоставляют историческое знание (науку) и «историческую память». Отмечая нечеткую концептуализацию понятия «историческая память» и критикуя неоправданное увлечение исследователей новым термином, авторы отмечают: «Знания запечатлены в текстах и других материальных носителях, а память — это способность индивидуальной психики» [10, с. 406].

Таким образом, вопрос о соотношении исторической памяти и истории как науки не решен современными исследователями однозначно. Даже самые убежденные критики феномена исторической памяти не опровергают неразрывной связи между памятью и историей. На наш взгляд, наиболее убедительно выглядит подход немецких исследователей Р. Козеллека и А. Ассман: «История — это не память. История и память — это две формы обращения с прошлым, дополняющие друг друга, оказывающие друг на друга влияние. Нам

нужна память, чтобы вдохнуть жизнь в массу исторических знаний, и нам нужна история, для того чтобы критически проверить конструкции памяти, которые всегда подвержены политической конъюнктуре и продиктованы потребностями настоящего» [9, с. 24]. Близка этой точке зрения позиция П. Хаттона, утверждающего, что история — это искусство памяти, основанное «на столкновении двух моментов памяти — повторении и воспоминании» [11, с. 23]. По мнению Хаттона, «недостаточно описать прошлое через его репрезентации, так как такой подход предполагает отчужденность от живых переживаний, которые память несет с собой в настоящее» [11, с. 30].

Во-вторых, поскольку нет однозначного ответа на вопрос, как именно соотносятся история и память, нет в современной науке и единого подхода к определению термина «историческая память», который по-разному трактуется отдельными авторами. Наиболее часто встречаются следующие определения понятия «историческая память»:

– способ сохранения и трансляции прошлого (отсюда — стремление к созданию «мест памяти») [4];

– одно из измерений индивидуальной и коллективной памяти, символическая репрезентация прошлого [12, с. 24];

– ряд событий, воспоминания о которых хранит национальная история [2, с. 45];

– феномен общественного сознания — «определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [13];

– опорные пункты массового знания о прошлом, минимальный набор ключевых образов событий и личностей прошлого в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти (не требуется усилий, чтобы вспомнить) [10, с. 407];

– совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» [1, с. 69]. При таком подходе историческая память выступает как синоним исторического знания и возникает закономерный вопрос о необходимости использования дополнительных терминов.

Такое многообразие подходов к определению понятия «историческая память» свидетельствует о том, что более или менее точное определение еще не выработано и термин этот сегодня используется в самых разных смыслах (иногда даже в рамках одного и того же исследования). Отметим, что некоторая смысловая и терминологическая избыточность наблюдается еще в работах Хальбвакса, который оперировал разнообразными терминами (память внутренняя и внешняя, личная, автобиографическая и социальная, коллективная). Однако чаще всего в современной литературе историческая память понимается как память об историческом прошлом, репрезентация исторического прошлого [14].

Наличие дискуссионных вопросов, связанных с соотношением истории и памяти и целесообразностью введения в научный оборот термина «историческая память», не мешает исследователям активно использовать его применительно к разным периодам отечественной истории.

В-третьих, с увеличением количества публикаций, посвященных исторической памяти, все большее внимание уделяется проблеме ее формирования и роли в этом процессе профессиональных историков. Уральская исследовательница Л. Н. Мазур разграничивает источники и механизмы формирования исторической памяти. К источникам автор относит историческую науку, искусство и литературу, личный опыт, в том числе, документированный (мемуары, воспоминания, письма и т. д.). Функция источника — фиксировать и преобразовывать историческую информацию в образы. Механизм отвечает за трансляцию имеющихся в обществе исторических знаний и представлений. По мнению

Мазур, механизмами трансляции исторической памяти выступают: система образования, средства массовой информации, устные коммуникации, места памяти [15, с. 243–256].

Интересна точка зрения немецкого ученого Р. Козеллека, который анализировал механизмы формирования памяти в тоталитарных и демократических обществах. В тоталитарных обществах за этот процесс отвечает государство, которое и создает, и контролирует историческую память. В демократических обществах в этот процесс включены также граждане, деятели искусства, историки, партии, но прежде всего — СМИ. Козеллек выделяет «7 больших Р», которые включены в процесс конструирования памяти. Это профессора (Professoren), священники и пасторы (Priester und Pfarrer), PR-специалисты (PR-Spezialisten), журналисты (Presseleute), поэты (Poeten), политики (Politiker) [9, с. 16].

До тех пор, пока актуальна тема памяти, актуальна и проблема ответственности историков. Какую функцию должны выполнять профессиональные историки: идет ли речь о стремлении к реконструкции объективной и беспристрастной картины прошлого и о противодействии той истории, которая испытывает на себе влияние конъюнктуры и всегда зависит от настоящего? Если принять тезис о том, что историческая память — не просто один из главных источников информации о прошлом, но и важнейшее средство самоидентификации индивида, то становится очевидно, что историки играют двойственную роль в процессе формирования, трансляции и трансформации исторической памяти. С одной стороны, именно историкам принадлежит приоритетное право сохранения прошлого. С другой стороны, именно благодаря историкам прошлое постоянно интерпретируется по-новому, переосмысливается, приближается или отдаляется, происходит ликвидация «белых пятен» или, напротив, изгнание тех или иных событий со страниц литературы. Таким образом, историки, не всегда осознанно, определяют, как будет выглядеть наше прошлое и настоящее в глазах потомков.

В идеале необходимо сохранять и светлые, и печальные, трагические события; и взлеты, и падения. Нельзя, чтобы какие-то страницы истории, пусть даже трагические, спорные в своей оценке, были преданы забвению по той или иной причине. Однако в реальности процесс формирования исторической памяти происходит по-другому, поскольку он тесно связан с понятиями «политика памяти» и «историческая политика». Дискуссии о прошлом, особенно в последние десятилетия, часто имеют откровенно политический характер (например, дебаты о пакте Молотова–Риббентропа, причинах и начальном этапе Второй мировой войны, о Холокосте и голодоморе), что неизбежно отражается на их интерпретации историками. Все чаще исследователи говорят о «войнах памяти» и «битвах за прошлое» на постсоветском пространстве, где историки переписывают прошлое с позиций настоящего [16; 17; 18].

Известный британский историк Д. Лоуэнталь предостерегал от такого отношения к истории и памяти о прошлом: «История, которую постоянно перекраивают согласно современным взглядам, все больше и больше становится похожей на совместное предприятие: мое прошлое напоминает твое не только потому, что мы разделяем наше общее наследие, но и потому, что сообща его изменили. Беспрестанная ревизия истории делает для нас чувства наших предков все более отдаленными и все менее понятными» [19, с. 547].

Таким образом, вопрос о том, какая функция историописания и историографии доминантная — научная или мемориальная — также остается сегодня открытым.

Анализ публикаций, посвященных различным аспектам исторической памяти, позволяет выделить ряд тенденций, которые наметились в последние годы в изучении этого феномена.

Во-первых, все больший интерес исследователей вызывает национальное измерение исторической памяти. Осознание того, что память вариативна и имеет национальные, социальные и возрастные особенности, привело к актуализации исследований, посвященных выявлению особенностей памяти о событиях прошлого представителей разных стран,

сравнению национальных моделей памяти о тех или иных событиях, факторам формирования национальных историографических традиций. В первую очередь, это касается войн — драматических страниц истории, которые, как правило, оставляют наиболее значимый след в исторической памяти народов (Отечественная война 1812 г., Первая и Вторая мировые войны) [17; 20; 21; 22; 23]. Вместе с тем, параллельно поиску специфики идет и поиск неких общих координат, символов, которые сближают национальные образы прошлого, а также факторов, детерминирующих этот процесс. Почему те или иные аспекты прошлого мы хотим забыть, а другие стремимся вспоминать и сохранять для потомков?

Во-вторых, на наш взгляд, происходит «виртуализация истории и исторической памяти»: технический прогресс привел к возникновению новых средств коммеморации прошлого. Если в XIX — начале XX в. авторитет науки и образования как средств формирования исторической памяти был неоспорим, то в конце XX–XXI в. возрастает роль медиатехнологий. В XXI в. — веке информационных технологий и неограниченных потоков информации — традиционные инструменты коммеморации (памятники, музеи, библиотеки, архивы, выставки и даже фильмы) если и не теряют своей актуальности, то постепенно отходят на второй план. Современная молодежь большую часть своего свободного времени проводит в сети Интернет, предпочитая получать информацию во всемирной паутине, а не в библиотеках и музеях. Ответом на вызов времени стало появление новых средств коммеморации прошлого. Как отмечает американский политолог Ж.–В. Мюллер, «новейшие электронные технологии сбора и воспроизводства данных обусловили фундаментальный поворот в мнемонических технологиях, который по своему значению, возможно, равен изобретению печатного станка и угасанию устной памяти... после эпохи Возрождения» [24, с. 5]. Средства ретрансляции памяти вышли на новый уровень, что выразилось в создании в последние годы огромного количества веб-сайтов, цель которых — актуализировать и ретранслировать знания о прошлом. Изучение недостатков и преимуществ, особенностей и последствий формирования исторической памяти в режиме онлайн, по-видимому, в ближайшем будущем, станет актуальным направлением исследований.

В-третьих, необходимо отметить, что «историческая память» как научное направление во французских исследованиях с течением времени претерпевает значительные изменения. Увлечение концепцией «мест памяти», сформулированной П. Нора, привело к игнорированию рядом историков традиционных исторических источников. В 2010 г., осмыслив влияние своей концепции на историческую науку Франции, П. Нора в четвертом томе своего фундаментального труда «Переосмысление Франции: места памяти» сделал вывод об особой значимости архивов в формировании исторической памяти [25]. Осознав, что «всеобщее торжество памяти» во Франции превратилось в инструмент идеологии, Нора выступил с призывом вернуть истинное назначение истории и обратиться к изучению точного воплощения памяти — архивных документов [26, с. 293].

Таким образом, тема исторической памяти во второй половине XX — начале XXI в. в. стала одной из актуальных проблем исторической науки. Наличие дискуссионных вопросов в исследованиях по этой теме, с одной стороны, и осознание того факта, что именно память является интегрирующим фактором развития общества — с другой, требуют дальнейшего изучения этого феномена в рамках исторической науки, анализа сущности, структуры, законов функционирования и механизмов трансформации исторической памяти.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00339.

Список литературы:

1. Репина Л. П. Национальная история, историческая память и «история историков» // Вестник Российской нации. 2010. №3. С. 65–77.

2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 16–50.
3. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. №3. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3-pr.html> (дата обращения 15.06.2016).
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб, 1999. С. 17–50. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения 15.06.2016).
5. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 16–17.
6. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. 485 с.
7. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. 491 с.
8. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.
9. Assman A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München, 2013. 231 p.
10. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2. Образы прошлого. СПб., 2006. 751 с.
11. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб, 2003. 424 с.
12. Репина Л. П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 19–46.
13. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №4. Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения 15.06.2016).
14. Лыкова В. В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. Вып. 1–2. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/pdf/sa27.pdf> (дата обращения 15.06.2016).
15. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 243–256.
16. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011. 256 с.
17. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая память о войнах XX века как область идейно–политического и психологического противостояния // Отечественная история. 2007. №2. С. 139–151.
18. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
19. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб. 2004. 624 с.
20. Finney P. Remembering the Road to World War Two. International history, national identity, collective memory. L., NY., 2011. 325 p.
21. Поршнева О. С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. Екатеринбург. С. 112–119.
22. Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014. 351 с.
23. Грибан И. В. «Расколота память»: советско–германские отношения 1939–1941 г. г. в историографии Украины // Уральский исторический вестник. 2014. №4. С. 64–75.
24. Müller J.–W. Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory. Memory and Power in Post–War Europe. Studies in the Presence of the Past. Cambridge, 2004. P. 1–35.
25. Nora P. Rethinking France. Les Lieux de mémoire. V. 4. Histories and Memories. L., 2010. 504 p.

26. Постникова А. А. Историческая память: французская версия // Современный педагог–историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности. 2015. С. 290–293.

References:

1. Repina L. P. Natsionalnaya istoriya, istoricheskaya pamyat i “istoriya istorikov”. Vestnik Rossiiskoi natsii, 2010, no. 3, pp. 65–77.
2. Khalbvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat. Pamyat o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. Moscow, 2005, pp. 16–50.
3. Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti. Neprikosnovennyi zapas, 2008, no. 3, Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3-pr.html>, accessed, 15.06.2016.
4. Nora P. Problematika mest pamyati. Frantsiya — pamyat. St. Petersburg, 1999, pp. 17–50. Available at: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>, accessed 15.06.2016.
5. Khalbvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat. Pamyat o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. Moscow, 2005, pp. 16–17.
6. Kollingvud R. Dzh. Ideya istorii. Avtobiografiya. Moscow, 1980, 485 p.
7. Gene B. Istoriya i istoricheskaya kultura srednevekovogo Zapada. Moscow, 2002, 491 p.
8. Veltser Kh. Istoriya, pamyat i sovremennost proshlogo. Pamyat kak arena politicheskoi borby. Pamyat o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa. Moscow, 2005.
9. Assman A. Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur. Eine Intervention. München, 2013. 231 p.
10. Saveleva I. M., Poletaev A. V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya. V. 2. Obrazy proshlogo. St. Petersburg, 2006. 751 p.
11. Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. St. Petersburg, 2003. 424 p.
12. Repina L. P. Pamyat' i istoriopisanie. Istoriya i pamyat: istoricheskaya kultura Evropy do nachala Novogo vremeni. Moscow, 2006, pp. 19–46.
13. Toshchenko Zh. T. Istorieskoe soznanie i istoricheskaya pamyat. Analiz sovremennogo sostoyaniya. Novaya i noveishaya istoriya, 2000, no. 4. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>, accessed 15.06.2016.
14. Lykova V. V. Istorieskaya pamyat v sovremennoi Rossii: problemy transformatsii. Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, no. 1–2. Available at: <http://scientific-notes.ru/pdf/sa27.pdf>, accessed 15.06.2016.
15. Mazur L. N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoi pamyati. Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki, 2013, no. 3, pp. 243–256.
16. Bordyugov G. A. “Voiny pamyati” na postsovetskom prostranstve. Moscow, 2011, 256 p.
17. Senyavskii A. S., Senyavskaya E. S. Istorieskaya pamyat o voinakh XX veka kak oblast ideino–politicheskogo i psikhologicheskogo protivostoyaniya. Otechestvennaya istoriya, 2007, no. 2, pp. 139–151.
18. Kuposov N. Pamyat strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 320 p.
19. Louental D. Proshloe — chuzhaya strana. St. Petersburg, 2004, 624 p.
20. Finney P. Remembering the Road to World War Two. International history, national identity, collective memory. L., NY., 2011, 325 p.
21. Porshneva O. S. Fenomen istoricheskoi pamyati o voine. Uralskii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy. Yekaterinburg, pp. 112–119.
22. Boroznyak A.I. Zhestokaya pamyat. Natsistskii reikh v vospriyatii nemtsev vtoroi poloviny XX i nachala XXI veka. Moscow, 2014, 351 p.
23. Griban I. V. “Raskolotaya pamyat”: sovetsko–germanskije otnosheniya 1939–1941 g. g. v istoriografii Ukrainy. Uralskii istoricheskii vestnik, 2014, no. 4, pp. 64–75.
24. Müller J.–W. Introduction: the power of memory, the memory of power and the power over memory. Memory and Power in Post–War Europe. Studies in the Presence of the Past. Cambridge, 2004, pp. 1–35.

25. Nora P. Rethinking France. Les Lieux de mémoire. V. 4. Histories and Memories. L., 2010, 504 p.

26. Postnikova A. A. Istoricheskaya pamyat: frantsuzskaya versiya. Sovremenniy pedagog–istorik: aktualnye problemy professionalnoi podgotovki i professionalnoi deyatel'nosti, 2015, pp. 290–293.

*Работа поступила
в редакцию 18.10.2016 г.*

*Принята к публикации
22.10.2016 г.*